ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

УДК 340

Шапсугов Д.Ю.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ОРГАНИЧНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ В ПРОЦЕССЕ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

В статье анализируются содержание принципа органичности правового развития и возможности его реализации в процессе современной модернизации российского права.

The content of principle of organicity of legal development and the possibility of its realization in the current modernization of russian law is anylized in the article.

Ключевые слова: *модернизация права, органичность правового развития, право народов на развитие.*

Key words: *modernization of law, organicity of the law development, the right of nations to development.*

Актуальный сегодня вопрос о необходимости модернизации российского права тесно связан с вопросом о том, как возникает и развивается право. Этот вопрос относится к числу вечных правовых проблем, по которой и по сей день отсутствует общепринятая точка зрения. Множество выдвинутых ранее и имеющихся в настоящее время концепций, в которых делается попытка ответить на данный вопрос, продолжает свое существование в конкурентной борьбе. Отсутствие ответа на данный вопрос вынуждает воздействовать на правовое развитие каждого народа и человечества в целом с точки зрения господствующих на данный момент взглядов, постоянно реализуя присущие им преимущества и недостатки.

В этих условиях особую актуальность приобретает теоретико-правовое обеспечение модернизации современного российского права с учетом исторического опыта ее осуществления в прошлом.

Можно выделить три основные концепции, во взаимной конкуренции которых нашла и находит свое отражение общая острота данной проблемы: естественно-правовая, историческая школа права и позитивистская концепция права. Какая из них может составить теоретический фундамент модернизации российского права? Можно ли создать такой фундамент на основе их интеграции? Каждая из них последовательно пережила периоды возникновения, господства, падения и нового возрождения, каждая из них содержит абсолютизированную долю истины в объяснении возникновения и развития права, без которой невозможно ответить на поставленные выше вопросы. Разве можно понять право, не обращаясь к разуму людей и их воле, что свойственно естественно-правовой концепции, разве можно зафиксировать и реализовать право в его конкретном содержании без позитивистского подхода? Разве можно развивать право без учета особенностей народа, являющегося его подлинным творцом, на чем настаивает историческая школа права.

Каждая страна выбирает собственный путь модернизации. При этом важно понимать как содержание «стартовой площадки» модернизации, так и характер и возможные результаты предполагаемых изменений. Многое зависит от целевой установки: развить существующее, сохраняя возможность его самоидентификации, или создать нечто совершенно новое, не имеющее никаких корней в прошлом.

Более конкретно применительно к России вопрос можно поставить так: хотим ли мы иметь развивающуюся в результате модернизации узнаваемую Россию или построенное с нуля, на совершенно иных чем нынешняя Россия основаниях новое государство, создание которого обусловлено исключительно процессами глобализации.

В научной литературе этот вопрос обсуждается давно как вопрос о совмещении или разрыве традиций развития и современности, при этом выделяются три тенденции: скорее традиционность против модернизации, симбиоз прежнего достояния и заимствований, при котором поддерживается относительно независимое сосуществование традиций и современности, разведенных по разным социокультурным сферам; синтез наследия и заимствований [1, с. 8-10].

Не вдаваясь в детальный анализ названных тенденций, необходимо отметить, что обязательным условием их реализации является органичная включенность модернизации в движущуюся ткань развивающихся процессов.

Как отмечается в научной литературе, страны, ранее считавшиеся отсталыми и постепенно превращающиеся в центры мирового притяжения (Китай, Индия), вступая в современные модернизационные процессы, «в гораздо меньшей степени склонны отказываться от экзистенциональных начал своей собственной культуры, национальных традиций в политике и праве [1, с. 9].

«Незападные общества могут подвергнуться модернизации, не отказываясь от своих родных культур и не перенимая оптом все западные ценности, институты и практический опыт…» [2, с. 112].

В России отмечается в известной мере «подспудная» борьба западнических и евразийских концепций модернизации, имеющих свои корни в прошлом. При этом вряд ли учитывается, что при самых разных ориентациях подобного рода Россия оставалась все той же узнаваемой Россией, несмотря на самые крутые повороты в своей истории.

Но, безусловно, важнейшее значение, по существу вбирающее в себя эти подходы, имеет теория органичности правового развития, истоки которой можно найти уже в древней политико-правовой мысли, наиболее последовательно разработанной немецкой исторической школой права.

В трудах представителей этой школы, прежде всего Савиньи и Пухты, дается достаточно четкое обоснование основных ее положений.

Первое из них связано с утверждением, что право, подобно языку, нравам и учреждениям, являясь одним из проявлений народной жизни, неразрывно связано с другими ее проявлениями, опирающимся на общее убеждение народа и присущее ему одинаковое чувство необходимости.

Второе, дальнейшее развитие права состоит в органической связи с сущностью и характером народа: им управляет тот же закон необходимости.

Третье. Теория национального развития, согласно которой образование права есть действительное, общественное действие, общение людей, а не только возможное, в котором (как это позже добавил Пухта) юридическая и фактическая власть соединены. Если отсутствует это соединение, то образуется неправо.

Конкретной средой их проявления служат отдельные народы, в рамках которых осуществляется целостное общение, формируется общее народное убеждение в необходимости права. Отсюда вывод о недопустимости объяснения происхождения права из случая, произвола, в том числе творимого законодателем. Этот последний тезис особенно был неприемлем для критиков органической теории - позитивистов.

Примером такого чистого формирования права, на который обращает внимание Савиньи, является римское право, проходившее без серьезных внешних воздействий, сохранившее свою чистоту и эффективность на многие последующие века.

Родоначальники органической концепции права, выделяя особенности идеального процесса формирования права, разумеется, понимали, что реальный процесс формирования права у отдельных народов испытывает всякого рода деформирующие воздействия, не исключая и воздействия позитивного. Но в целом развивающееся право народа либо усваивает, либо «перерабатывает», «переваривает» эти внешние воздействия, оставаясь в сущности национальным правом данного народа, либо свидетельствует о перерождении данного народа, формировании из него уже другой, новой общности.

Необходимо отметить, что некоторые критики концепции органичного правового развития Савиньи и Пухты в допущении внешних воздействий на правовое развитие видели отступление от провозглашенных безусловных принципов, доходящее до самоопровержения провозглашенной теории.

Однако нетрудно доказать несостоятельность этой рассудочной в своей основе критики (в частности П.И. Новгородцева и Р. Иеринга) в основном диалектической органической теории, ограниченность которой (критики) была осознана несколько позднее.

Следует также отметить, что упрек критиков [3] органической теории в адрес ее творцов, заключавшийся в отсутствии детального обоснования процесса происхождения права из общего народного убеждения, требовал дополнительных исследований, без которых сам по себе не мог быть ниспровергнут.

Механизмы формирования права, обосновывая которые, критики теории органичного развития права – позитивисты, полагали ее опровергающими, на самом деле не только не противоречили исходному принципу органической теории, но и в определенной мере являлись объяснением механизма формирования права, вполне соответствовавшим основным постулатам исторической школы права.

Механизмы преодоления своей ограниченности, разрабатывавшиеся в рамках исторической школы права (Савиньи, Пухта), позитивистски истолкованные П.И. Новгородцевым, необоснованно были превращены в доказательство несостоятельности основного принципа- принципа органичности правового развития, обоснование которого и сегодня необходимо рассматривать как величайший вклад немецкой исторической школы права в юридическую науку. Совершенно несостоятельный упрек в ее адрес, состоявший в якобы отрицании развития в праве, ибо в трудах Савиньи, Пухты это развитие рельефно подчеркнуто, как раз в тех дополнениях к основному принципу органичности развития права, благодаря которому, например, немецкое право со всеми происходящими в нем изменениями развивается как немецкое, а не восточное право. Сделав упор на постоянной «немецкости» немецкого права позитивистские критики пытались доказать отсутствие идеи развития в немецкой исторической школе права. Таким образом, позитивистские критики исторической школы права, отделив односторонность исторической школы права от разработанных ее основателями диалектических дополнений, с помощью которых преодолевалась эта односторонность, противопоставив их основному принципу, пыталась отвергнуть ее основной принцип.

Вместо того, чтобы продолжить разработку принципа органичности правового развития, так основательно начатую представителями исторической школы права, переходя к постановке и анализу вопроса о конкретных механизмах формирования и развития «Народного духа», составляющего стержень правового развития и действительно последовательно не разработанного основателями исторической школы права, позитивистская критика попыталась опровергнуть основной принцип исторической школы права фактом простого отсутствия в ней конкретной проработки вопроса о конкретных механизмах его («Духа народа») формирования, используя при этом новую оригинальную концепцию формирования права, предложенную Р. Иерингом, правоверным сначала представителем немецкой исторической школы права, затем присоединившимся к ее уничтожающим критикам. Предложенная Р. Иерингом концепция борьбы интересов и потребностей людей как источника формирования права не только не отвергает исходного принципа исторической школы права, а, наоборот, служит величайшим подтверждением ему, если только эту борьбу не рассматривать как исключительно абстрактную, не имеющую отношения к конкретному обществу (немецкому, французскому, английскому или восточному. На самом деле эта борьба происходила и происходит в конкретных обществах (немецком, французском и т.п.), и поэтому итогом, результатом этой борьбы становится немецкое, французское или российское и т.п. право, которое, развиваясь как отражение этой борьбы и в средние века и в новое время, остается и сегодня все же немецким, французским или российским и т.п. правом. И это обстоятельство никак не удается отменить, пользуясь позитивистским познавательным инструментарием.

В позитивистской критике исторической школы права был выплеснут и похоронен еще один величайший зародыш истинного представления о праве - несводимость права к произволу законодателя, который (произвол) стал трактоваться как основной источник права. Тем самым позитивистская критика исторической школы права, начав с попыток доказать односторонность, а затем и полную несостоятельность исторической школы права, закончила или заканчивает попытками утверждения своей односторонности, не предпринимая при этом, в отличие от исторической школы права, попыток преодолеть свою односторонность, можно даже сказать на первых этапах своего формирования, даже не осознавая ее.

Таким образом, возникает вопрос: какова судьба принципа органичности правового развития общества в современную эпоху, в современной России? Отвечая на него, нельзя не учитывать, что право является частью создаваемого человеком искусственного окружающего мира, в котором он живет. Но безграничен ли его произвол в творчестве этого мира? Есть ли объективные пределы этого произвола, за которыми может наступить его саморазрушение. Вот цена вопроса о принципе органичности правового развития. Это вопрос о том, сохраняется ли возможность развития права как национального, совместимо ли его развитие как национального с формированием в нем наднациональных компонентов и возможно ли формирование национального права без опоры на принцип органичности правового развития?

Принцип органичности правового развития каждого отдельного народа не только не отрицает сам по себе возможности правовой аккультурации, а, наоборот, требует поиска и нахождения предпосылок для органичного включения правовых ин-

ститутов и процедур в данную правовую систему, отторгая из них те, которые не могут быть в принципе адаптированы к жизнедеятельности данного народа.

В этой связи примечательны рассуждения Савиньи относительно причин действия институтов римского права у завоевавших римлян народов.

Савиньи убедительно опровергает господствующее утверждение о том, что Рим покорили дикие племена, названные варварами, не имевшие развитых публичных институтов. «Многие новейшие писатели, в том числе и Сисмонди, - пишет он, - представляют нам варваров разбойниками, которые решились разрушить Римскую империю, не имевшими до их нашествия ни отечества, ни национальных нравов и никаких постановлений. Этот беглый и легкий взгляд не может выдержать испытаний…, то, что мы знаем, перешло к нам от римлян, подвергшись их толкованиям, невежеству и предрассудкам…

У германцев нация состояла из людей свободных, которые одни имели всю власть и все права. Политическое их устройство соответствовало разделению страны на уезды или кантоны, которые назывались gau … Каждая gau, свободные люди которой составляли между собой местное общество, имело своим начальником графа». У римлян и покоривших их народов было много общих институтов [3, с. 399, 397]. Нельзя отказать в актуальности сути данных рассуждений, особенно в эпоху так называемой глобализации. Глубокий смысл приобретает и критика «юридического логицизма», не способного учитывать столкновение в праве противоположных интересов, пытающегося, но неспособного изменить логику жизни абстрактной логикой права.

В современных условиях с учетом накопленного правового опыта человечества понимание принципа органичности правового развития должно быть расширено и включать:

1. Рассмотрение права как гармоничного целостного организма (явления), функционирующего в органичной для него социальной среде, обозначаемой как народ, с развитием которого развивается и право.

2. Рассмотрение права в его включенности в реальную общую жизнь народа с точки зрения выявления его гомеостазисных свойств, позволяющих ему гармонично функционировать в данном обществе во взаимодействии с другими элементами его социальной организации.

3. Рассмотрение права как включенного в более общую систему-право всех народов.

4. Рассмотрение права как постоянного воспроизводства его развивающейся целостности в полном составе его гомеостазисных компонентов. Эффективность права определяется степенью его целостности, гармоничности сочетания его компонентов внутри этой целостности. Модернизация права возможна на основе четкого понимания взаимосвязи этих элементов, благодаря чему поддерживается его целостность как условие его развития. Она означает развитие этой целостности, адекватное изменившимся внешним по отношению к праву социальным условиям, с сохранением его сущности. Иначе говоря, модернизация права означает воспроизводство его целостности в новых условиях с новыми компонентами развивающими его сущность.

Принцип органичности правового развития выступает не односторонним как другие принципы правообразования и развития права, опираясь на взаимодействие природы, разума, опыта как источников правообразования, справедливость, равенство (господство над неравенством), свободу как основных правовых парадигм развития, а универсальным принципом правообразования и развития, диалектически преодолевающим все названные выше односторонности, вбирая в себя все их позитивное содержание. Если раньше процесс правообразования носил преимущественно стихийный характер, не являлся планомерно и разумно организованным, происходившим в формах насильственных отступлений от названного принципа в виде навязывания народам чуждого им законодательства, как правило, завершался возвращением в конечном итоге в русло эволюционного органичного развития, то сегодня требуется преодоление этой стихийности путем тщательного изучения традиционного опыта органичного правового развития каждого народа, подобно тому как это было сделано Савиньи по отношению к римскому и германскому праву, и использования его в модернизационных процессах современного правового развития России, так как позитивной альтернативы такому подходу просто не существует.

С гносеологической точки зрения весьма важно подчеркнуть, что органичность развития выступает как реальный диалектический процесс становления права, организация эффективного взаимодействия всех его гомеостазисных компонентов и требует адекватного ей диалектического метода исследова-

ния, несовместимого в данном случае с рассудочным разбором диалектических процессов.

Преемственность в правовом развитии поддерживается и тем, что социальная сфера создается под воздействием в том числе и права. Изучая и выделяя в ней происшедшие изменения, мы имеем возможность определить характер прежнего воздействия права на социальную среду и направления такого воздействия на перспективу.

Принцип органичности правового развития имеет прямое отношение к проблемам модернизации современного российского права и связан с ответом на вопрос, что должно составить основное содержание модернизации российского права на современном этапе его развития . Довольно часто такая модернизация понимается фактически как подгонка российских правовых стандартов под западноевропейские или американские стандарты либо как необходимость вернуться к традиционным российским правовым ценностям, поставив правовое развитие на прочный фундамент отечественного правового опыта.

При этом оказывается весьма сложным вопрос об отыскании отечественных корней в современном действующем российском праве. После нескольких революционных потрясений, происходивших в его историческом развитии, разрушавших принцип органичности правового развития, трудно, разумеется, сходу выделить его органичные корни [4]. Тем не менее оно по преимуществу оставалось российским правом, а не немецким или английским, поэтому такой анализ необходимо провести в каждой отрасли права.

В России мы наблюдаем уникальную ситуацию, когда органичность правового развития реализовывалась в российском обществе (обычно-правовая система), а российское государство, особенно на переломных этапах развития, ориентировалось на зарубежное законодательство (Судебное уложение 1649 г., Законодательство Петра I, постперестроечное законодательство). Насильственное внедрение не самого современного и претендующего на универсальность законодательства Российской империи в практическую жизнь северокавказских народов вызывало в течение всей истории их взаимоотношений реакцию неприятия и отторжения. В этой связи необходимо отметить и оригинальность для России советского законодательства. Современная политика модернизации в России должна учитывать эти процессы.

При решении данного вопроса важно учитывать степень укорененности традиционных институтов правового развития в сознании и действительной социальной практике народа. Если речь идет о явлениях, получивших широкое распространение у других народов и новых для данного народа, не вошедших в сознание и не ставших традиционными для данного народа, то заимствование иностранного права вполне может оказаться приемлемым, но опять же не немедленно, а через различные переходные формы, благодаря которым будет происходить безболезненное «привыкание» народа, общества к этим явлениям.

Игнорирование принципа органичности правового развития в российской истории со стороны Российского и Советского государства постоянно приводило к социальным конфликтам и величайшим трагедиям, масштабы которых до сих пор никто серьезно не оценил.

К этим последствиям можно отнести огромные жертвы, понесенные массами крепостного и советского крестьянства, интеллигенции, многочисленных народов, либо эксплуатировавшихся Российской империей для осуществления своих агрессивных планов, либо насильно удалявшихся из разных краев (в частности, выселение народов Северного Кавказа и заселение освободившейся таким образом территории населением из русских губерний. При этом практически в ущерб интересам основного населения России тратились огромные материальные и финансовые ресурсы, приносились в жертву миллионы человеческих жизней во имя реализации этих агрессивных планов.

Все это заставляет задуматься над проблемой цены модернизации в широком смысле этого слова; материальной, финансовой, духовно-нравственной. Реализация принципа органичности правового развития в современных условиях в России связана с вопросом о сохранении и развитии русского народа и любого другого народа, проживающего на территории Российской Федерации. В общественном сознании российского общества глубоко укоренилась ленинская трактовка права на самоопределение как права на отделение и создание независимого государства. Выдвинутая в конкретных исторических условиях (большое недоверие к центральной российской власти, ее тоталитарный характер, широкое развитие сепаратистских тенденций), она, безусловно, была важным фактором объединения народов в единое государство, может быть, даже единственным условием объединения под гаранти-

ей добровольности объединения с правом одностороннего выхода из СССР.

В совершенно другой ситуации настаивать только на такой ленинской трактовке права на самоопределение - значит впадать в односторонность, абсолютизацию значимости абсолютизированного понимания данного права. Надо отметить, что и план «автономизации» И. Сталина, подвергнутый критике В.И. Лениным, на деле был односторонним, поскольку ограничивался статичными формами внутреннего самоопределения народов и наций внутри страны.

В современных условиях речь должна идти по существу и в первую очередь о реальном развитии народов и наций в рамках единого государства, что должно быть закреплено в качестве права на развитие каждого народа, нации в Конституции Российской Федерации.

Сегодня можно даже подчеркнуть, что отмеченная выше ленинская трактовка права на самоопределение как права на создание независимого государства в конкретных условиях ее выдвижения сыграла свою позитивную роль, содействуя созданию единого государства при полной фактической нереальности его осуществления в последующей истории Советского государства. К сказанному можно добавить, что международное право устанавливает обязанность государств содействовать развитию народов и наций внутри каждой страны, а неисполнение данной обязанности может стать основанием для постановки вопроса о выходе народов, нации, имеющих соответствующие формы организации, из состава не выполняющего свои обязательства государства.

Приведем наиболее близкий пример юридической модернизации на Северном Кавказе. К XIX в., как известно, на Северном Кавказе сложились традиционные обычно-правовые системы, регламентировавшие общественную жизнь каждого народа, они были органичны для данного народа и находились в процессе перехода к системе позитивного права, о чем свидетельствуют решения, принимавшиеся в начале XIX в. в Кабарде и на Северо-Западном Кавказе, а еще раньше в Дагестане в рамках отдельных народов и на их общих съездах.

Однако процесс завоевания Кавказа в том виде, как он проходил, не мог оставить неприкосновенной обычно- правовую систему народов Северного Кавказа, которая символизировала все то, что нельзя было бы не разрушить, завоевывая Кавказ.

Введение судов и расправ в конце XVIII в. в Кабарде по указанию Екатерины II, предпринятое с известной опорой на часть местных князей и дворян, было неудачным. Вслед за этим в 1822 г. генерал Ермолов в ряде своих прокламаций ввел Временный кабардинский суд, отменив ранее существовавшие системы судов. Эта попытка также не могла быть успешной, поскольку не только не была органичной для кабардинского народа, но вызывала резкое отторжение у него. Это был суд, возглавлявшийся военными, как правило, не знавшими ни обычного права, ни российского законодательства.

Неудачность названных модернизационных проектов в конце концов заставила имперскую администрацию на Кавказе приступить к систематическому изучению обычного права народов Северного Кавказа и мусульманского права, без использования которых водворить порядок даже на завоеванных территориях оказалось невозможно.

В течение нескольких лет была проведена огромная работа по сбору и описанию обычного права народов Северного Кавказа. Во многом благодаря этой работе обычное право народов Северного Кавказа было, хотя и в обобщенном виде, записано, и эти источники сегодня относятся к числу основных памятников – свидетельств о праве этих народов.

Однако последовавшее почти сразу после завершения этой работы полное завоевание Северного Кавказа резко снизило практическую потребность в их использовании. Во введенной системе военно-народного управления горскими народами Северного Кавказа, хотя и не исключалось полностью возможность применения норм традиционного регулирования отношений, но оно было крайне ограниченным, зависело от решений назначавшихся для руководства ими военных и в лучшем случае осуществлялось на основе известного принципа коррелятивности [5, с. 49], обеспечивавшего соответствие в конечном итоге всех судебных и административных решений общероссийскому законодательству.

Так, было завершено органичное правовое развитие северокавказских народов. Модернизация в такой форме, разумеется, была направлена на безусловную ломку традиционного уклада жизни, системы ценностей, всего культурного многовекового наследия этих народов. Результатом этой ломки стали практически не прекращавшиеся выступления местного населения против чуждого им порядка регулирования и управления в XIX и XX вв. либо по-

стоянный выезд горцев в другие государства. Следует отметить, что этот порядок был не только чужд горским народам, но и прямо вредоносен для них, поскольку навязывалась далеко не самая передовая юридическая имперская по своей сути система, носившая в своей основе колониальный характер.

В одной из недавно изданных работ □6] содержится богатейшая информация по данному вопросу, относящаяся к советскому периоду истории. Начавшийся в период утверждения советской власти возврат к традиционной обычно-правовой и религиозной системам фактически стал политическим инструментом, который активно использовался большевистскими идеологами для утверждения советской власти. Как только эта власть утвердилась, началось или продолжилось вытеснение обычного права из сферы регулирования поведения людей. Таким образом, в течение одного столетия горским народам пришлось пережить две весьма жесткие модернизации нормативно-юридической системы. В настоящее время обе эти системы уже являются достоянием истории, а обычное право и частично мусульманское право продолжают выполнять свои социальные функции у народов Северного Кавказа. Этим убедительно доказывается органичность этих систем для северокавказских народов и неприживаемость или весьма слабая приживаемость иных систем, что имеет весьма серьезное значение и для современной России.

Современная модернизация российского права вряд ли возможна как немедленный переход к любым иностранным образцам правового развития. Пока российский народ, как это закреплено в действующей Конституции Российской Федерации, является многонациональным, опыт правового развития каждого народа должен быть включен как органическая часть в модернизационные процессы с учетом многоуравнего характера современной российской правовой системы.

Не имея возможности подробно останавливаться на детальной характеристике этих сложных процессов, можно выделить стержневой вопрос этой большой темы. Это вопрос о конкретном конституционном закреплении права каждого народа на развитие, его содержание и направления реализации.

Неразвивающиеся, но реально существующие народы - это большая политическая, экономическая и духовно-нравственная проблема.

За прошедшие века насильственно поддерживавшегося их единства в рамках имперского и Советского государства они не почувствовали себя хозяевами собственной судьбы, не сформировавшими способности влиять на изменения к лучшему в условиях своего существования.

Не находя удовлетворения в постоянно статичных, не способных к развитию политико-правовых формах, в которые было облечено их существование (военно-народное управление в империи, формы советской государственности), они постоянно тяготели к праву на самоопределение, ленинская трактовка которого как права на отделение и создание самостоятельного государства, высказанная в ситуации глубочайшего политического кризиса доверия народов России к Российскому государству, стала доминирующей особенно в постсоветский период.

Необходимо подчеркнуть в связи с этим незакрепленность и практическое отсутствие серьезного опыта реализации права народов на внутреннее развитие, которое может стать стержневой идеей и основой национальной политики современного Российского государства, при этом право на самоопределение можно рассматривать как элемент права на развитие (одно из правомочий), обращение к которому возможно в случае невыполнения данным государством международно-правовой обязанности содействовать его развитию.

Модернизация межнациональных отношений на этой основе может создать совершено новую социальную среду и послужить существенному продвижению в национальном развитии страны.

Российский народ, имеющий сложнейший национальный состав, будет продвигаться по пути социальной однородности, формирования общей системы ценностей только в условиях, обеспечивающих развитие каждой его составной части.

Литература

1. *Супатаев М.А.* Цивилизационное осмысление права: в контексте модернизации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2011. № 4.

2. *Хангтингтон.* Столкновение цивилизаций. М., 2003.

3. *Новгородцев П.И.* Историческая школа юристов. Ее происхождение и судьбы (1896 г.) // Немецкая историческая школа права. Челябинск. 2010.

4. Здесь с удовлетворением можно отметить наличие серьезных исследований по обычному праву большинства народов России, в том числе и по русскому обычному, но реально имеющийся материал настолько огромен, что сейчас охвачен лишь частично.

5. *Мануйлов А.Н.* Обычное право кубанских казаков. СПб., 2007.

6. *Магамадов С.С, Кислицын С.А.* Политическая власть и повстанческое движение на Северном Кавказе. Очерк истории, 1920-1930 гг. Ростов-на-Дону, 2011.

УДК 340

Баранов П.П.

ОБОСНОВАНИЕ ЛЕГИТИМНОСТИ САМОДЕРЖАВИЯ В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ XVII ВЕКА

В статье рассматриваются основные направления политико-правовой мысли России XVII в. Автор анализирует вопрос обоснования легитимности самодержавия сквозь призму проблемы взаимодействия светской и церковной властей.

The article examines the main trends of political and legal thought in Russia of the XVII century. The author analyzes the matter of rationale for the legitimacy of the monarchy through the prism of the problem of interaction between secular and ecclesiastical authorities.

Ключевые слова: *самодержавие, православие, секуляризация, светская власть, церковная власть, право, мораль.*

Keywords: *monarchy, Orthodoxy, secularization, secular authority, ecclesiastical authority, law, morality.*

Российское государство начала XVII в. разительно отличалось от «погибшей» в пламени Смуты Руси Московской. Прежде всего, многие историки рисуют картины разорения, упадка в сравнении с предшествовавшим столетием. Нет сомнений, что многие из этих описаний действительно имели место, ведь всякая интервенция не может пройти бесследно: иностранные захватчики всегда преследуют свои политические и иные цели, обращая захваченные территории в свою пользу и нисколько не считаясь с интересами коренного населения. История знает множество примеров такой экспансии, но для России, в отличие от, скажем, коренного населения Америки, последствия все же были не столь разрушительны. В некотором смысле даже есть и крупицы пользы, скажем, проникновение естесвенноправовых воззрений в бытовавшую до того времени догматическую политико-правовую концепцию. Смена царской династии, причем произведенная при непосредственной поддержке вновь собранного Земского Собора, определила дальнейшее развитие государства; Михаил Федорович, вставший во главе государства, не мог не принимать во внимание уроки прошлого.

Но секуляризация, тем не менее, началась далеко не сразу: прежде царь должен был подтвердить легитимность своей власти как перед народом, так и даже перед иностранными политическими оппонентами: «Особую важность обоснование легитимности имело в связи с притязаниями (до 1634 г.) польской династии на русский престол, а также по причине укрепления самодержавия с середины XVII в. и в связи с внутриполитическим развитием России при Алексее Михайловиче (1645-1676)» [1, с. 152-153]. В полной мере она проявилась лишь в XVIII в., однако первые предпосылки, повлекшие разделение религиозного и светского сознания, можно заметить уже в веке XVII.

Наиболее ярким внешним событием, легализовавшим в общественном сознании царскую власть, стал Земский Собор 1613 г., избравший царем 16-летнего Михаила Федоровича Романова. Почему именно Земский Собор стал такой основой? Ответ на этот вопрос можно найти у В.О. Ключевского: «Если представительное начало было крайне слабо в Московском государстве XVI в., это значит, что не существовало ни таких крупных интересов, которые возбуждали бы в обществе достаточно настойчивые политические притязания, ни такой солидарности между отдельными классами, которая побуждала бы правительство делать уступки этим притязаниям. … попытка Грозного повторяется, и повторяется более столетия: соборное представительство входит в правительственный обычай, хотя не утвержденный и не регулированный законом, общество начинает понимать его пользу и, давая отве-